

А.В. Сахарова

Языковая коммуникация в перспективе коммуникативной рациональности: концепция Ю. Хабермаса

В статье рассматриваются эвристические возможности концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса с точки зрения исследования процесса языковой коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативное действие; коммуникативная рациональность; языковая личность.

Языковая коммуникация, реализуемая как совокупность языковых практик в контексте конкретной социальной реальности, — одна из наиболее активно исследуемых тем в современном социогуманитарном знании. Центром коммуникативного процесса является взаимодействие его субъектов — языковых личностей как носителей совокупности «способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [2: с. 3]. При этом, как было показано в философии Новейшего времени, траектория движения по направлению к искомой цели не является однонаправленным вектором, а представляет собой, по словам А.В. Назарчука, «многообразие дифференцированных согласованных действий, которые востребованы современной сложной социальной организацией» [3: с. 161]. Согласованность взаимодействия основывается на том, что сообщение должно быть отправлено, воспринято и понято. Таким образом, в фокус внимания исследователей попадает категория *взаимопонимание*.

Однако как возможно такое взаимопонимание, каковы условия его достижения — вот вопрос, поиски ответа на который ведутся в пределах разных предметных полей: социологии (Э. Гидденс), лингвистики (Н. Хомский), философии (Х. Йонас, К-О. Апель, Ю. Хабермас). Одной из наиболее влиятельных современных концепций, обосновывающих критическую теорию общества, исходя из анализа коммуникации и нового понимания рациональности, является теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать эпистемологические возможности концепта «коммуникативная рациональность» применительно к изучению коммуникации как процесса взаимодействия языковых личностей. Начнем с того, что теория Ю. Хабермаса, неоспоримо являясь

достоянием современной философской классики, вместе с тем подвергается и достаточно острой критике. Среди слабых мест называют, в том числе, ее утопичность и идеализм. Дело в том, что по своей сути она является деонтологической, т. е. обосновывающей, какой должна быть идеальная коммуникация, а не какой является. Соответственно, возникает опасность того, что идеальные модели, образующие ее понятийный каркас, не могут быть использованы для изучения реальной коммуникации. Действительно, в данном случае речь идет об «идеальной коммуникативной ситуации» и нормах «идеального коммуникативного сообщества». Однако, хотя последние являются идеализациями, они служат необходимой «регулятивной идеей» в процессах коммуникации в реальных социокультурных жизненных мирах [3: с. 161].

Итак, согласно Ю. Хабермасу, существуют два типа социального действия — стратегическое и коммуникативное. Если мотивация первого коренится в стремлении субъекта достигнуть цели посредством влияния (воздействия) на других субъектов, то второго — основывается на достижении взаимопонимания. Коммуникативное действие определяется им как «*взаимодействие* как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих в межличностные отношения; они ищут *взаимопонимания* относительно ситуации действия с целью координирования своих планов действия, а, следовательно, и своих действий. При этом в процессе (взаимной) *интерпретации* должна происходить выработка таких определений ситуации, которые могли бы привести к *согласию* (consensus)» [7: с. 11].

Коммуникативному действию соответствует коммуникативная рациональность, суть которой заключается в способности индивидов обосновать собственные высказывания, т. е. позволяет участникам коммуникативного процесса тематизировать спорные вопросы и разрешать или критиковать их с помощью соответствующих аргументов. Социальная ценность коммуникативной рациональности заключается не только в достижении взаимопонимания как результата конкретной интеракции, но более широко — в формировании индивидуальности, ориентированной на достижение консенсуса в процессе коммуникации. «Поскольку другие вменяют ответственность мне, — писал Ю. Хабермас, — я постепенно делаю себя той личностью, какой я становлюсь через взаимоотношения с другими» [5: с. 38].

Коммуникативная рациональность с точки зрения формальной прагматики рассматривается как совокупность структур, включающая структуры субъекта, структуры действия, структуры интересубъективности, структуры ситуации. Не углубляясь в их подробное описание, данное в обстоятельной статье М.Е. Соболевой, [4: с. 101] проанализируем лишь некоторые, наиболее важные условия взаимопонимания в контексте языковой коммуникации.

Во-первых, это потенциальная способность языковой личности как субъекта языковой коммуникации генерировать структуры рациональности, т. е. наличие у нее исходной *коммуникативной компетенции*, выражающейся в умении ориентироваться на существующие правила. Наличие такой универсальной способности позволяет субъекту коммуникации выстраивать диалогическое взаимодействие.

В основу такой идеальной модели речевой коммуникации положено разработанное К.-О. Апелем трансцендентально-герменевтическое понятие языка, в соответствии с которым язык рассматривается как «условие возможности диалогического взаимопонимания и понимания самого себя, а благодаря этому — понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия» [1: с. 205]. В отличие от Л. Витгенштейна, отрицавшего наличие у неограниченного количества языковых игр единой основы, Апель полагал, что «общность всех языковых игр в действительности состоит в том, что с изучением определенного языка — и, соответственно, с успешной социализацией в определенной «форме жизни», «сплетенной» с употреблением языка, — одновременно изучается нечто вроде языковой игры как таковой (или человеческой формы жизни как таковой), а именно одновременно в принципе приобретает компетенция в рефлексии относительно собственного языка (или формы жизни) и в коммуникации со всеми другими языковыми играми» [1: с. 212].

Итак, согласно Апелью и Хабермасу, коммуникативная компетенция — та универсальная основа языковой коммуникации, которая потенциально обуславливает возможность взаимопонимания языковых личностей. Исходя из структуры языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым [2], можно соотнести ее с первым, вербально-семантическим, уровнем структуры, предполагающим для носителя нормальное владение естественным языком. В обеих моделях постулируется наличие исходной культурно-языковой нормы, предопределяющей общие условия, на которых субъекты включаются в коммуникацию, рассчитывая на ее успешный результат.

Второе условие достижения взаимопонимания в процессе языковой коммуникации Ю. Хабермас усматривает в функционировании самой системы языка и механизме воспроизводства его структуры. Речь идет о том, что в русле идей В. фон Гумбольдта, с одной стороны, и традиций немецкой классической философии, с другой, язык понимается как система объективного духа, т. е. как воздействующая на говорящего субъекта и формирующая его интерсубъективная сила, которая в то же время не противостоит ему как нечто исключительно внешнее. Обуславливая возможность осуществления речевого акта, сама структура языка в нем не создается, но постоянно обновляется в практике живой речи. Таким образом, в функционировании языка реализуется принцип взаимодополняемости структуры языка и практики.

В-третьих, для обозначения условий, при которых возможно взаимопонимание в процессе интеракции, Ю. Хабермас вводит теоретический конструкт «идеальная речевая ситуация». Она достигается при отсутствии какого бы то ни было насилия, систематического разрыва коммуникации, т. е. возможности ее продолжения до тех пор, пока стороны свободно не придут к взаимному согласию, а также при симметричности условий для участников дискурса. Нормативный характер подобного конструкта не исключает, однако, присутствия такой речевой ситуации в любом коммуникативном акте. Дело в том, что языковые личности,

будучи вовлеченными в процесс речевой интеракции, уже ориентированы на взаимопонимание при условии использования понятных (грамматически правильно построенных) высказываний, предлагаемых и принимаемых приемлемым способом и содержащих претензии на истину, правильность и правдивость. «Процессы взаимопонимания, — пишет Ю. Хабермас, — нацелены на достижение согласия, которое зависит от рационального мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания» [6: с. 200].

Все приведенные доводы в пользу предпосылок взаимопонимания охватывают собственно сферу языковой коммуникации, включая ее авторов, способ коммуникации и сам ее процесс, т. е. те аспекты, которые охватываются формальной прагматикой. Однако для полного понимания всей совокупности условий достижения согласия необходимо учитывать и такой коррелят коммуникативного действия, как жизненный мир, предполагающий «определенный запас культурных самоочевидностей, из которого участники коммуникации в своих интерпретативных усилиях заимствуют устраивающий всех образец истолкования» [6: с. 202].

Помимо устоявшихся в культуре фоновых допущений содержание жизненного мира образует такие факторы, как сплоченность групп, объединенных на основе определенных ценностей, компетенции индивидов в отношении традиций того или иного сообщества. Словом, конкретный коммуникативный акт происходит не только в определенной речевой ситуации, но и погружен в жизненный мир как заранее образуемый контекст действия. Концепт «жизненный мир» соотносится Ю. Хабермасом с более широким понятием «мир». Под последним понимается формальный конструкт, который участники интеракции используют в качестве определенной системы отсчета в том случае, если хотят добиться взаимопонимания. Смысл такого согласования заключается в том, чтобы определиться, на какую именно сферу «мира» направлена коммуникация, чтобы реализовать это в адекватных формах.

Ориентированность языковой коммуникации возможна в трех направлениях: к *объективному миру*, когда речевые действия служат для представления какой-либо информации; к *социальному миру* — для установления межличностных отношений, регулируемых нормами; к *субъективному миру* — для самопредставления своего внутреннего состояния, своих переживаний. «Таким образом, — заключает Ю. Хабермас, — согласие в повседневной коммуникативной практике может опираться одновременно на разделяемое несколькими субъектами пропозициональное знание, на согласие в нормативном плане и на взаимное доверие» [6: с. 203].

Рассмотрев основные составляющие концепта «коммуникативная рациональность», можно выделить два направления его применения к изучению процесса языковой коммуникации: *методологическое* и *аксиологическое*. Модель коммуникативной рациональности обладает значительным эвристическим потенциалом, позволяя создать интегративную конструкцию процесса

языковой коммуникации. Ю. Хабермас вводит и обосновывает те исходные условия, которые обеспечивают взаимную согласованность речевых актов языковых личностей.

Во-первых, подчеркнем, что коммуникативное действие, сущностью которого является коммуникативная рациональность, понимается как процесс постоянного обмена интеракциями, а не как разовый акт. Основанием этому является изначальная погруженность языкового взаимодействия в более широкий языковой контекст и, следовательно, потенциальная возможность продолжения коммуникации и достижения консенсуса при соблюдении ряда рациональных условий.

Во-вторых, присущая языковой личности коммуникативная компетенция как способность генерировать структуры языка уже изначально обеспечивает исходные предпосылки согласованности языковой коммуникации, будучи подкрепленной объективными законами функционирования самой системы языка.

В-третьих, представляется особенно важным признание взаимодополняемости структуры языка и практики, поскольку позволяет логично увязать в единую целостную конструкцию три ключевых элемента языковой коммуникации: субъект коммуникации – язык – живой процесс intersубъективного взаимодействия.

Аксиологическое значение концепта «коммуникативная рациональность» заключается в выявлении области нормы, отделяющей сферу коммуникативного действия от стратегического действия. Описывая условия реализации взаимопонимания в языковых практиках, Ю. Хабермас вводит универсалию «идеальная коммуникативная ситуация». Полагаем, что нормативный характер концепции «коммуникативной рациональности» не снижает ее эвристического потенциала, но направляет исследовательскую активность в несколько иное русло, стимулируя размышления над тем, каковы перспективы развития языковой коммуникации с точки зрения тех вызовов, которые современное общество предъявляет своим членам.

Развитие языковых практик, основывающихся на принципах коммуникативной рациональности, — это лишь одна из возможных альтернатив, причем та, которая несет позитивный, гуманистический заряд. Между тем в философии эпохи постмодерна нет недостатка в пессимистических сценариях развития коммуникативных процессов, констатирующих разрушение традиционных основ коммуникации вплоть до исчезновения языковой личности как субъекта языковой деятельности. Следовательно, представляется вполне оправданным обращение к исследованию коммуникативной рациональности как фундаментального условия достижения взаимопонимания в ходе языковой коммуникации.

Литература

1. *Апель К.-О.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка: пер. с нем. // От Я к Другому: сборник переводов по проблемам intersубъективности, коммуникации, диалога / под ред. А.А. Михайлова. Минск: Менск, 1997. 276 с.

2. *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Караулов Ю.Н. Язык и личность. М.: Наука, 1989. 312 с.

3. Назарчук А.В. Идея коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157–165.
4. Соболева М.Е. К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. 2002. № 2. С. 97–119.
5. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35–40.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 379 с.
7. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия: пер. с нем. // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3–33.

Literatura

1. Apel' K.-O. Transcendental'no-germenevticheskoe ponyatie yazy'ka: per. s nem. // Ot Ya k Drugomu: sbornik perevodov po problemam intersub'ektivnosti, kommunikacii, dialoga / pod red. A.A. Mixajlova. Minsk: Mensk, 1997. 276 s.
2. Karaulov Yu.N. Russkaya yazy'kovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya // Karaulov Yu.N. Yazy'k i lichnost'. M.: Nauka, 1989. 312 s.
3. Nazarchuk A.V. Ideya kommunikacii i novy'e filosofskie ponyatiya XX veka // Voprosy' filosofii. 2011. № 5. S. 157–165.
4. Soboleva M.E. K koncepcii filosofii yazy'ka Yurgena Xabermasa // Logos. 2002. № 2. S. 97–119.
5. Xabermas Yu. Ponyatie individual'nosti // Voprosy' filosofii. 1989. № 2. S. 35–40.
6. Xabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. SPb.: Nauka, 2001. 379 s.
7. Xabermas Yu. Otnosheniya k miru i racional'ny'e aspekty' dejstviya v chety'rex sociologicheskix ponyatiyax dejstviya: per. s nem. // Sociologicheskoe obozrenie. 2008. T. 7. № 1. S. 3–33.

A.V. Sakharova

Language Communication in the Long Term Communicative Rationality: Yu. Habermas's Concept

In article the heuristic possibilities of the concept of communicative rationality of Yu. Habermas from the point of view of research of process of language communication are considered.

Keywords: communicative action; communicative rationality; language personality.